X 1976

4 0 5

ТУ 19-32-73

1

3

студия
ДИАФИЛЬМ

Б·РАЕВСКИЙ

Подвигу жить!

художник В·Дугин

Каждый раз, когда в 34-й школе Ленинграда пионеры выстраиваются на торжественную линейку, вожатая вызывает: „Нина Куковерова!“ – Замирает линейка. И в тишине звучат слова: „Пала смертью храбрых за нашу Советскую Родину“. 2

...Это случилось давно, в самом начале войны. В партизанском отряде под Ленинградом появилась 14-летняя девочка. Как попала? Как многие тогда: выехала летом из города в деревню. И вдруг — война!

Вот и ходила Нина с залатанной торбой через плечо из деревни в деревню. Много бездомных голодных ребят бродило по дорогам в те тяжёлые годы.

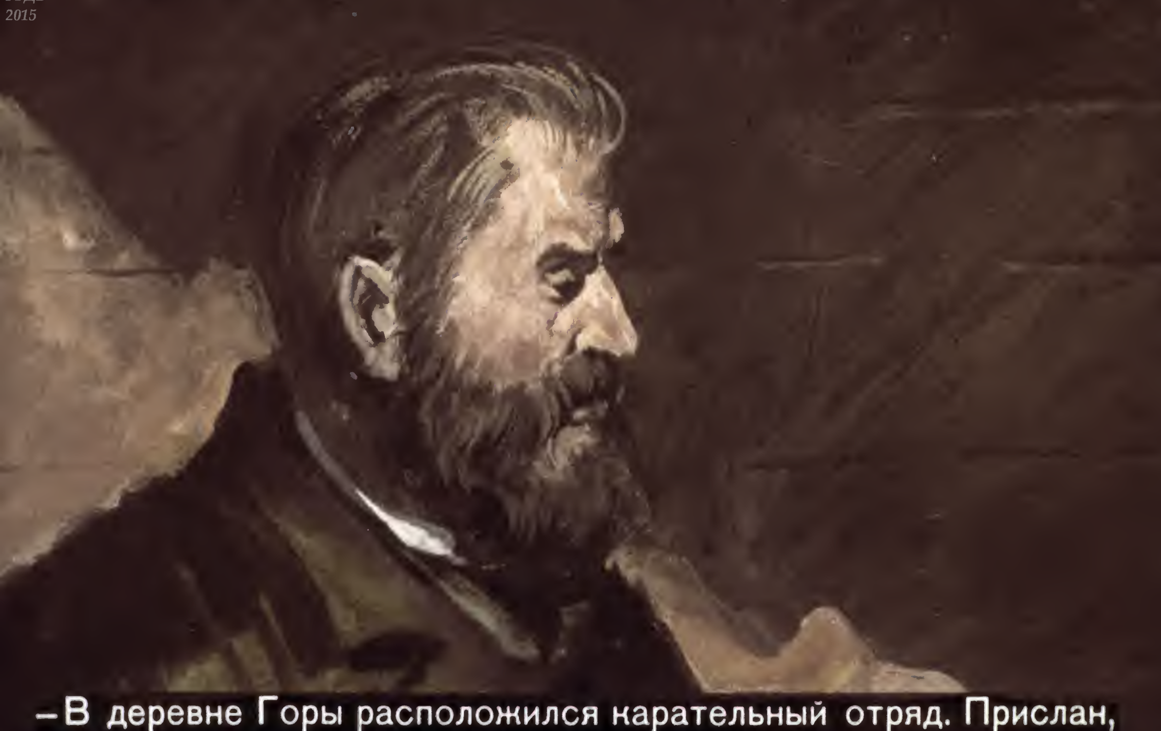
Нина стучала в хмурые тёмные окна изб, выпрашивая горсточку пшена, корку хлеба. Нищая девчонка не привлекала внимания немцев и полицаев. Они, конечно, и не думали, что Нина – разведчица.

Однажды Нину вызвал командир партизанского отряда Батов. – „У меня к тебе дело, дочка, – сказал он. – Трудное дело...“

Нина промолчала. Она вообще старалась поменьше говорить. С малых лет девочка заикалась. Вот и появилась у неё привычка, где можно – помолчать или ответить кивком, жестом.

–В деревне Горы расположился карательный отряд. Прислан, чтобы разгромить окрестных партизан. Необходимо точно узнать, где у немцев орудия, пулемёты, в каких избах офицеры. Тогда внезапным ударом мы уничтожим их.

Назавтра рано утром Нина двинулась в путь. До деревни Горы было километров пятнадцать. Нина шла и шла, настороженно посматривая по сторонам. Чего только не передумаешь, шагая по пустынной снежной равнине...

Вспомнился отец. Вот они на катке. Нина совсем ещё маленькая, коньки разъезжаются, она больно шлёпается. – „Не трусь, Нинок!" – хохочет отец.

„Нет отца, – думает Нина. – Убили его фашисты. Узнать бы хоть, где могила солдата-артиллериста Куковерова? Да и есть ли могила?..

А мать? Что она сейчас делает? Наверно, встала спозаранку, хлопочет. Надо ведь добыть еду. Олёшка и Валя – маленькие, а едят – ого, как большие! А где достать хлеб, картошку, когда немцы всё вокруг подчистили?"

Километров десять уже отшагала Нина. Пора и отдохнуть. Достала сухарь из торбы, похрустела им. „А в Ленинграде, говорят, сухаря не сыщешь. Клей едят, старые ботинки жуют...“

Торопливо дожевала сухарь, пошла дальше. Вскоре увидела: навстречу идут два немецких солдата. Нина изо всех сил старалась не убыстрять и не замедлять шаги.

Один из солдат остановил её: „Куда гейст ду, медхен?“ – Нина объяснила, как делала уже не раз: идёт к тётке; назвала деревню неподалёку от Гор.

Старалась говорить поменьше: „А то ещё начну заикаться. Подумают – от страха...“ Солдат сказал: „Гут. Ходи свой тётка“.

Ну, на этот раз пронесло... Вскоре показались Горы. Деревня стояла на холме. Нина притаилась в кустарнике, стала наблюдать.

Вот возле одного дома часовой. Сюда то и дело подходят офицеры. У крыльца два автомобиля, мотоциклы. „Пожалуй, штаб“, – решила Нина.

Неподалёку от штаба какой-то большой сарай. Возле него тоже часовой. И тоже суетятся люди. Но что в этом сарае — не понять.

„Обойду деревню, – подумала Нина. – Посмотрю, что где...“
Крадучись стала продираться сквозь кустарник. Вдруг замерла.

Пёс...Огромный, страшный пёс! Нина всегда боялась собак. И надо ж, именно сейчас... „Ну, – молила в душе Нина, – ну, пёсик, не стой же, иди себе, гуляй...“ Но пёс не уходил.

Нина сняла торбу, под неотрывным взглядом пса развязала её. Эх, кусочек бы мяса!.. Но в торбе лишь хлебные корки. Нина бросила одну. Пёс обнюхал, но есть не стал.

И опять они стояли неподвижно. „Сосчитаю до пяти и пойду“, – решила Нина. Медленно стала считать. Но когда прошептала „пять“, пёс вдруг так грозно фыркнул, что Нина помертвела. „Снова“, – приказала она себе.

Досчитала до пяти и тут же, чтобы не передумать, пошла. Сердце колотилось часто и гулко. Но она шла. А пёс – за ней... „Не оборачивайся“, – велела себе Нина. А как удержаться? Может, пёс приготовился прыгнуть?..

Она прошла сто шагов и лишь тогда обернулась. Пса не было. Исчез.

Нина повеселела. Зашагала быстрей. Тайком обошла вокруг Гор. К сожалению, больше ничего важного не обнаружила. „Зайду в саму деревню, – решила она. – Остановят? Ну и что? Побираюсь – и весь сказ. Зато всё-всё высмотрю".

Медленно брела девочка по деревне. Краешками глаз примечала. Ого, вот у штаба – миномёт. А в этом доме, наверно, живут офицеры. Вон трое их вышло. Солдат у сарая ощипывает курицу...

Чтобы задержаться тут, осмотреться, Нина постучалась в соседнюю избу. – „Бабушка, – жалобно сказала она. – Пусти чуток погреться. Зазябла совсем..."

В избе Нину сразу обдало теплом и запахом щей. Постояла у печи, потом прошла к окошку. Вот это НП! Наблюдательный пункт – что надо! Да, конечно, это штаб.

Вон вылез из машины и прошёл внутрь офицер в шинели с меховым воротником. Часовой сразу вытянулся. Видно, важная птица.

А это что? Прямо напротив – тот большой сарай, который Нина видела из кустарника. И тоже часовой. Подъехал грузовик. Солдаты что-то сгружают. Ого! это снаряды!

–Чегой-то ты ко́ло оконца трёшься? – прошамкала, входя из сеней, старуха. – У печи-то теплей... – Пришлось отойти.

Но едва старуха вышла из комнаты, девочка снова бросилась к своему НП. А это что? Под навесом металлические бочки. И тоже – часовой. „Горючее, – догадалась Нина. – Это важно!..“

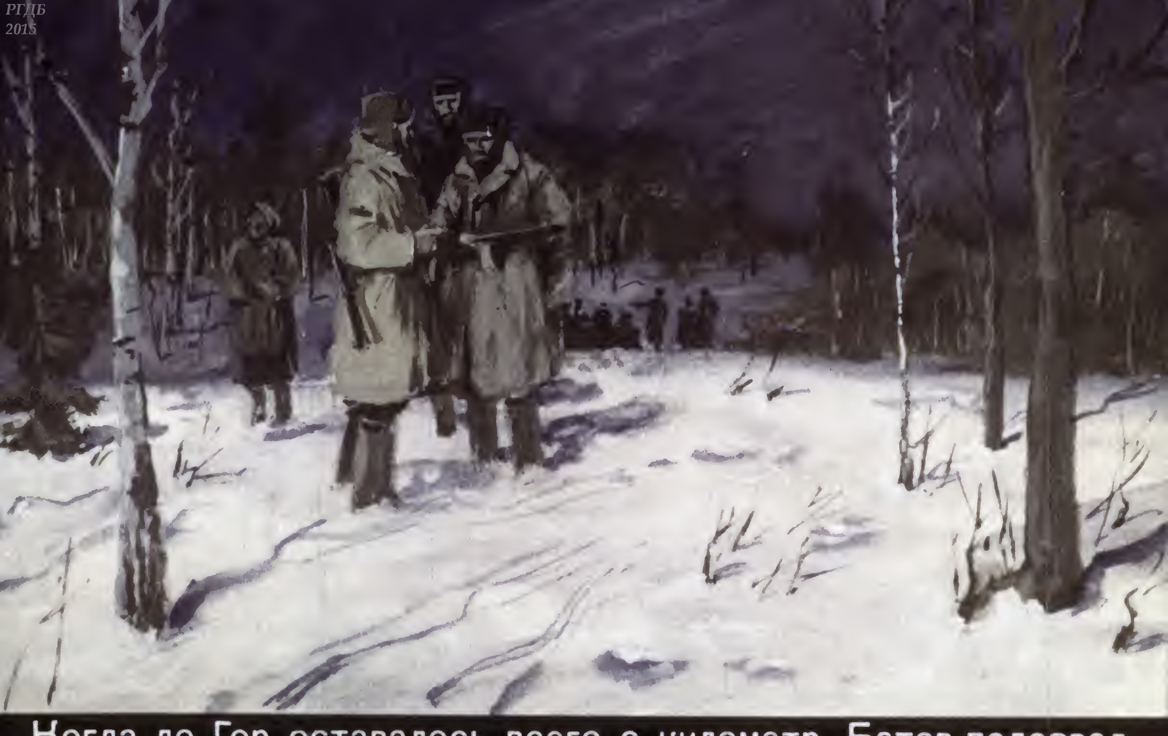
Она ушла из деревни. Старалась не спешить, шагала по дороге. А когда Горы скрылись за поворотом, прибавила шагу. Теперь быстрее! Быстрее к Батову!..

Под вечер она уже была в отряде. Батов расспрашивал подробно, дотошно. Потирал подбородок и повторял: „Умница, дочка!“

Ночью Нину разбудили. В темноте бесшумно собирался отряд. Шли пешими. Только двое саней — на них пулемёты.

Когда до Гор оставалось всего с километр, Батов подозвал двух своих помощников, коротко шёпотом что-то приказал. Отряд распался на три группы. Нине Батов велел быть возле него.

Леском они подобрались к самой вершине холма. Залегли. Было тихо. Темно. Только на холме в одном доме светились окна. – „Штаб“, – шепнула Нина. Батов кивнул.

В тишине прошло ещё несколько минут. „Чего он ждёт? – забеспокоилась Нина. – А если собаки залают?“ Но Батов по-прежнему недвижимо лежал на снегу. Рядом приткнулся пулемётчик.

И вдруг!.. Вдруг раздался взрыв и разом полыхнуло пламя. В ночи оно казалось особенно ярким. „Бочки... Бензин..." – мелькнуло у Нины.

И тотчас грохнули разрывы гранат. Натужно залился пулемёт. Немцы, полуодетые, выскакивали из домов, бежали куда-то и тотчас падали, срезанные пулемётными струями.

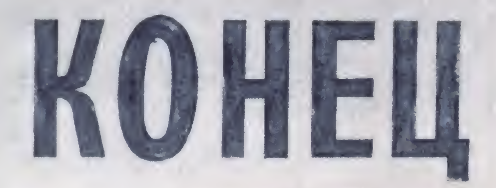
– Так! Так! – возбуждённо шептала Нина. – Это вам за отца! За Ленинград! За мою школу!

Батов с партизанами бросился к деревне... Через час операция была успешно закончена...

Мы рассказали вам лишь об одном из боевых подвигов ленинградской пионерки, смелой разведчицы Нины Куковеровой. Ещё много раз ходила она в разведку. Но однажды ушла и не вернулась... Предатель выдал её врагам. Нина погибла, но память о ней жива.

Редактор Т. Семибратова
Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм", 1970 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Цветной 0-30 Д-013-71